

Поляков Юрий. Сове-
дство. Книга о светлом
прошлом : роман. — М. :
АСТ, 2021. — 384 с.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ читатель, ориенти-
рованный на тради-
ционную литературу, с ин-
тересом встречает каждую
новую книгу Юрия Поляко-
ва, и это закономерно. Твор-
чески сформировавшийся в
советское время писатель
Поляков до настоящего
времени чудесным образом сохранил стиливую
и мировоззренческую самодостаточность, кото-
рая соответствует запросам значительной части
нашего постсоветского общества, не утратившей
внутренний стержень и не желающей суетиться в
неудержимом стремлении "в будущее", пред-
лагаемое зачастую ценой частичного или полного
расчеловечивания. В книгах Полякова читатель
находит традиционную систему онтологических
координат, в которой привык ориентироваться и
чувствует себя полноценно. Читая книги Полякова,
бывший советский человек (чаще всего внутренне
и остающийся таковым, независимо от того, что
он сам об этом думает), погружается в свою ес-
тественную атмосферу, которая способствует его
внутреннему раскрепощению, и как бы проживает
заново те, ставшие уже далёкими времена, когда
он чувствовал себя по-настоящему свободным.

Новая книга Полякова называется "Сове-
дство", с подзаголовком "Книга о светлом прошлом",
самим названием извещаю о своей тематической
направленности. Картины из жизни простого со-
ветского подростка Юры Полюякова описываются
от первого лица, с удивительной непосредствен-
ностью и пронзительной искренностью. Много-
численные персонажи второго и третьего планов:
родители, родственники, одноклассники, учителя
и т.д., — создают обширное и насыщенное смыс-
лами и подтекстами пространство советского бы-
тия. Следует сразу же подчеркнуть, что, несмотря
на имеющее некоторый идеологический оттенок
название, книга абсолютно лишена какой-либо
тенденциозности, нарочитого намерения кого-то
в чём-то переубедить или переагитировать.

При том, что в романе отсутствует острый сю-
жет, читается он на одном дыхании. В описании
событий советской повседневности, увиденной
глазами подростка, читатель находит множество
черт и подробностей, которые заставляют вспо-
мнить о необходимости настоящей, осмысленной,
интересной и правильной жизни, от которой наше
общество добровольно отказалось на исходе XX
века. Главные черты советского бытия — пред-
сказуемость, надёжность и безопасность. Ребё-
нок, живущий с родителями в общности, может
спокойно заходить в любую комнату (где живут,
по идее, абсолютно чужие люди) и везде встре-
чает практически родственное отношение.

"...Здесь у нас стирают, моют в корытах детей, а
осенью по заранее составленному графику рубят
капусту. На заводском грузовике привозят из кол-
хоза и продают прямо из кузова во дворе белые
скрипучие кочаны и крупную оранжевую морковь...
Всё это изобилие режут большими ножами, мель-
чат специальными сечками и складывают, пересы-
пая крупной серой солью, в дубовые бочки, кото-

РОДИНА СЕРДЦА

Новая книга Юрия Полякова

рые хранятся в кладовой — бывшей дворничьей,
внизу, под лестницей, слева от двери. Я, конечно,
зимой тайком пробую из всех бочек, и самая вкус-
ная капуста получается почему-то у Ежовых. Но
наша тоже ничего — ядрёная, с хрустцой..."

Важной особенностью советского общества
является его действительное единство, прочная
взаимосвязанность людей многочисленными со-
циальными связями, соединяющими разрознен-
ные личности в народ. Взаимная выручка, общая
система ценностей, материальных и духовных, мо-
рально-нравственных; незблемый авторитет госу-
дарства, при некоторой критичности по отношению
к отдельным его представителям; десятилетиями
устоявшийся механизм жизни и государственной
деятельности как основа и залог стабильности —
все эти факторы в романе Юрия Полякова переда-
ются не благонамеренной риторикой, которой иные
писатели пытаются компенсировать недостаток
таланта, а исключительно художественными сред-
ствами и знанием жизненной правды.

Одним из важных аспектов, художественно
развитых в романе "Сове́дство", является вза-
имоотношение детей и родителей в советском
обществе. Между поколениями существует здо-
ровая дистанция, наличием которой обусловлены
авторитет родителей и послушание детей. Имен-
но на соотношении авторитета и родственной
любви основывается внутреннее богатство жизни
советской семьи. Здесь не только взаимная род-
ственная любовь между членами семьи, но и воз-
можность определённой критичности и, в отдель-
ных случаях, даже невинных обманов с целью
сгладить острые углы, смягчить противоречия.

Образ советского человека в его непосредствен-
ной противоречивости Юрий Поляков раскрывает
в чередзе взрослых персонажей. Ярким примером
в этом отношении является мама Юры Полюякова —
Лида. Женщина правильная, идейная и партийная,
Лида все силы прилагает для того, чтобы сохра-
нить в семье баланс порядочности и материаль-
ного благополучия (собственно, это одна из цен-
тральных проблем бытия, с которой сталкивается
в жизни каждый нормальный человек).

"...Обычно она жутко колеблется, разглядыва-
ет облюбованную вещь, как былячку, страдает,
уходит из магазина, потом возвращается. Для
неё принять решение о покупке — это как совер-
шить подвиг, это как броситься на вражий вздох!
Но есть, есть одно волшебное слово, которое за-
ставляет Лиду мгновенно выхватить кошелек и
метнуться в кассу. Это слово — "последний". Ну
а потом словно прорывается невидимая запруда
и, если ещё остались какие-то деньги, начинае-
тся настоящая эпидемия покупок".

Отец главного героя — Тимофейч, электрик,
трудолюб, прочно привязанный к работе и семье. Его
образ прописан не так подробно, но это обуслове-
но более прямым его характером, изображением ко-
торого требует не столь тонких стиливых средств.

"...Тимофеич так часто порывается меня вы-
пороть, что может сложиться впечатление, будто
я живу в таких же чудовищных условиях, как и
Алёша Пешков в кинофильме "Детство". Но это
вовсе не так. Обычно грозные обещания так и
остаются обещаниями. Иногда отец начинает
демонстративно расстёгивать ремень — тем и
ограничивается. Ещё реже он выдёргивает его
из поясных лямок и потясает им в воздухе. По-
настоящему он порол меня дважды..."

ОСОБОГО ВНИМАНИЯ заслуживает
склонность Юры Полюякова к фантазиям и
мечтам. В этой особенности своего героя
писатель Юрий Поляков воссоздаёт внутренний
мир советского подростка, направленность его
устремлений. При соотношении этих устремле-
ний с реальностью нынешнего времени с особой
остротой понимаешь пропасть, которая отделяет
нас от той благословенной эпохи, когда дети и
подростки мечтали стать космонавтами, море-
плавателями, учёными, спортсменами или пред-
ставителями других героических и творческих
профессий, чтобы творить добро в мире.

"...Мне, как пятнадцатилетнему капитану, до-
веряют штурвал. Я дожидаюсь прилива и юве-
лирно провожу корабль между скалами, так, что
острые камни срезают ракушки, успевшие нара-
сти на бортах за время плавания. Меня сразу по-
сле этого назначают капитаном.

Но негостеприимный остров, оказывается,
обитаем! Его захватили жадные империалисты и
заставляют чернокожих дикарей добывать в глу-
боких шахтах алмазы, причём используют труд
малолетних детей, так как в узкие проходы под
землёй могут пролезть только шуплые от недо-
едания негритята. Я возмущён и разрабатываю
секретный план: непроглядной ночью мы напа-
даем на штаб колонизаторов, после кровопро-
литного боя они сдаются, складывают оружие
и убираются восвояси. Остров — свободен, как
Куба. Все ликуют, ведь за счёт алмазов, которые
теперь достаются тем, кто их добывает, очень
быстро можно построить на острове с помощью
СССР социализм и даже коммунизм".

Возможно, в идеологическом воспитании со-
ветской эпохи и были определённые перегибы,
но, в целом, дети были мотивированы на гума-
нистические, нравственно-активные ценности,
лежащие в основе советской государственной
идеологии. Именно эти ценности дали возмож-
ность поколениям советских людей сохранить
человеческое достоинство в эпохе "демократи-
ческих преобразований".

По прочтении романа в душе остаётся удиви-
тельно светлое чувство. В сущности, в романе
нет отрицательных персонажей. Даже два хули-
гана, Корень и Серий, которые, ближе к концу
романа, пытаются обрабать Юру Полюякова, при
более близком общении оказываются такими же

Запуск авиамодели. СССР. Фото 1970-х годов

простыми пацанами, детьми своего времени
и своей социальной среды. Текст романа прони-
зывает душевная ирония, в отдельных эпизодах
приобретающая оттенок феерического гротеска.

В предисловии к своей новой книге Юрий
Поляков признаётся: "...Я писал её с трепетом,
погружаясь сердцем в живую воду памяти, из-
влекая из глубин сознания милые мелочи ми-
нувшего, перебирая забытые словечки ушедшей
эпохи, стараясь воплотить в языке тот далёкий,
утраченный мир, который исчез навсегда вместе
с Советским Союзом..." Следует отметить, что
именно эти "мелочи минувшего", встроенные в
психологически достоверный художественный
контекст, многократно усиливают воздействие
на сознание читателя, благодаря тому, что они
адресованы к людям, не болющим беспамят-
ством, но бережно и неброско хранящим в памя-
ти признаки и черты своего лучшего, что было в их
жизни в советское время.

Юрий Поляков был и остаётся советским пи-
сателем, в самом хорошем смысле этого опре-
деления. Он пишет для людей о людях, делает

это просто и талантливо, привлекая читателей не
конъюнктурной тематикой, не лживыми антисовет-
скими измышлениями, а стремлением выразить и
передать то светлое и неповторимое, что было в
жизни нашего великого многонационального наро-
да и что сами мы, по легкомыслию и человеческой
слабости, безвозвратно утратили. Возможно, в на-
шей жизни ещё будет что-то хорошее, но вот тако-
го, описанного в романе "Сове́дство", — уже не
будет никогда. Сегодня России необходимо понять
это, чтобы мы могли окончательно освободиться
от "либеральных" грёз и сделать шаг вперёд. Но
для этого нужно осознать то, что мы потеряли.

Роман Юрия Полякова — настоящая русская
литература, продолжение традиций нашей класси-
ки. В то же время это значительное в идейном плане
явление, дающее ответ на лживые инсинуации
в отношении нашего советского прошлого — ответ
мягкий, но убедительный, поскольку он преиспол-
нен душевной доброты, любви к людям, бережно-
го отношения к истории нашего Отечества.

Иван ГОЛУБИЧИЙ

АМАЛЬГАМА ПОЭТА-ФИЛОСОФА

Призматический сборник Сергея Яшина

Яшин Сергей. Ех
Hereditatem. — М. : Оприч-
ное Братство св. преп.
Иосифа Волоцкого,
2021. — 280 с.

"ИЗ НАСЛЕДИЯ" —
так называется
сборник, включив-
ший в себя репринты двух
книг Сергея Яшина: "Жрец
Севера" (2000), его первой
книги стихов, и "Против те-
чения" (2006), собрания
религиозно-философской эссеистики... С. Яшин
(1964—2019) оставил весьма обширное и до-
вольно "противоречивое" на внешний взгляд на-
следие: в нём обретается и неоязычество, и ката-
комбное христианство, и телемизм, и много чего
ещё... Помимо двух обозначенных репринтов,
сборник включает в себя ещё и дополнительный
раздел "Призмы", который содержит ряд рассмо-
тренных наследия Яшина, производимых с разных
"призматических граней"... Сергей Яшин являл
собой довольно редкий для современности тип
поэта-философа. По мнению любомудра Ивана
Киреевского, для поэта-философа внешняя кра-
сота и гармония его произведений — лишь пер-
вые степени творчества, возводящие к его Идее.
"Вопрос о достоинстве художественном стано-
вится вопросом второстепенным; даже вопрос о
таланте является неглавным; но мысль, одушев-
ляющая поэта, получает интерес самобытный,
философский; и лицо его становится идеєю, и
его создания становятся прозрачными, так что
мы не столько смотрим на них, сколько сквозя
них, как сквозят открытое окно; стараемся рассмо-
треть самую внутренность нового храма и в нём
божество, его освещающее"... Художественные
достоинства произведений Яшина, равно как и
его талант, несомненны, а вот вопрос о том, какое
"божество" освещало "храм", воздвигнутый автор-
ом, довольно дискуссионен. В разных призматиче-
ских гранях "внутренность" храма предста-
ёт разными лицами: то это лики северных богов
("Белые боги — Русские боги / Боги вселенной
Гиперборей")... то это Лик арийского Спаса ("Мы
веруем в пришествие Полярного Христа"), то Лик
телемистичекого Бабалон ("Не знаю, есть ли Бог, но
есть Богиня").

Сергей по своему духовному складу был "алек-
сандрийцем": был близок поздней античности,
дававшей примеры подчас головокружительных
"синтезов" разных традиций и культов, синтезов,
не обшедших собою и раннее христианство... К
примеру, задолго до св. имп. Константина Ве-
ликого, около середины II века, было даже столбе
благоклонных к христианству императоров, что
сложилось даже предание о том, что и сами они
были христианами, — говорим об Александре
Севере (222—235 гг.) и Филиппе Аравитянине
(244—249 гг.). Интересные сведения о религиозно-
умственном направлении Александра сообщает
его биограф Лампридий. Он пишет, что Алек-

сандр был воспитан на трудах Платона, которым
положительно зачитывался. Его душа не была
всеполо отдана ни одному культу, он являлся ре-
лигиозным эклектиком, каких тогда было немало.
Он, по выражению Обз, был "другом всех богов".
"Друг всех богов" знал и Христа и почитал Его
наравне с другими различными героями. Тот же
биограф Лампридий говорит, что Александр каж-
дое утро приносил жертвы божественным лицам,
образы которых поставлены были в его имение...
между этими изображениями встречаем Хри-
ста, Авраама, Аполлония, Орфея (просматрива-
ется аналогия с "новым храмом" Сергея Яшина).
Носился даже слух, что он хотел построить храм
Христу, т.е. причислить Его к богам Капитолия, но
удержался от этого вследствие противодействия
консервативных римских течений... С другой сто-
роны, он приказал на стенах дворца и на других
публичных монументах начертать слова Еванге-
лия: "Как хотите, чтобы с вами поступали люди,
так и вы поступайте с ними" (Лк. 6, 31). Мать Алек-
сандра, Юлия Маммея, тоже знала христианство
и была расположена к нему. Когда повсюду раз-
неслась слава о знаменитом Оригене и дости-
гла слуха Маммеи, она пожелала видеть этого
христианского учёного и для этого вызвала его
нарочно в Антиохию, называя для его сопрово-
ждения почётную стражу. Ничего не известно об
этом свидании царственной особы с Оригеном,
но и сам по себе факт очень примечателен. Двор
Александра был наполнен лицами христианского
исповедания.

Таков же, как и Александр Север, был в от-
ношениях с христианами император Филипп
Аравитянин. Предание, передаваемое Евсевием
Кесарийским, ставит его в числе христиан; так
много благосклонности выказывал он христиа-
нам. Филипп находился в переписке с Оригеном.
Эта переписка императора с Оригеном, перепис-
ка "властителя вселенной", повелителя гордого
Рима со смиренным александрийским учителем,
трившим лишь по несколько оболов в день, не
сохранилась, но её ещё читали в V веке, как сви-
детельствует об этом св. Викинтий Лирийский,
который замечает, что Оригеновы послания импе-
ратору написаны были "достойно христианского
учителя"... Думается, что за всем только что пе-
речисленным (как и за духовным обликом Сергея
Яшина) следует видеть нечто большее, нежели
религиозный "эклектизм" и "синкретизм"...

Религиозно-философское обаяние "Алексан-
дризма" (помянутый выше Ориген — его ярчай-
ший представитель), как представляется, об-
уславливается этой своеобразной амальгамой
христианских, до- и внехристианских идей (кои
вернее было бы назвать прото- и крипто-христи-
анскими, ибо "все" в конечном счёте причастно
Логосу и Софии, "все", кроме "вожделия не-
сущего"). Подобная "амальгама" свойственна ре-
лигиозно-философскому и поэтическому насле-
дию Сергея Яшина, наделяя его непреходящим
обаянием и притягательностью...

Роман РАСКОЛНИКОВ

Сорокин Владимир.
Доктор Гарин : роман. —
М. : АСТ : Corpus, 2021. —
544 с.

АХ, НЕ ТОТ вы ста-
ли, Владимир Геор-
гиевич! Ах, не тот. И
"Норма" вам уже не норма,
и "Голубое сало" перето-
плено. Ударили однажды
со всего разбега тараном
в советскую литературу —
"лагерную", "ущербную", а
приблили насквозь целые
века, порушили всё до самых основ, до самых
азов, до самого аза. Брызги, обломки, щепки
кругом. А теперь сидит уже поседевший Кай над
осколками, Ж да П ищет, но сколько ни выкла-
дывает слово, получается — ВЕЧНОСТЬ.

И вот новый роман. Обветшалый постмодер-
низм в нём ещё теплится, ещё дышит: ирония,
игра, аллюзии, десакрализация — всё в арсе-

мом деле суешь руку в прореху. "*Не ступай-
те надежду. Надежда — не одежда*", — повторяет
любитель поговорок доктор Гарин.

Мир впал в ностальгическую фазу, полити-
ческие долгожители зашли в тулик, или тулик
зашёл в их сознание: "*Для них нет нового, как
вектора. Новое для них возможно только в
прошлом. Как неиспользованная возможность*".
Рб — политический свинец, что пережил не-
сколько поколений, пережил собственные им-
перии, на обломках которых теперь воюют Ка-
захстан и Алтайская Республика и вынуждены
выстраивать дипломатические отношения Урал
и Дальний Восток. Поезда из Барнаула в Ха-
баровск отныне, как хождение за три чужих моря. В
этой имперской перекройке, в этом плавильном
котле нового этногенеза, в этом рождении новой
пассионарности на долю одного поколения вы-
пало три войны, в которых по всей земле рас-
цвели ядерные шампиньоны. На смену большой
восьмёрке пришли маленькие шестёрки. Такова
цена жажды перемен. Такова цена усталости
политического материала.

САНАТОРИЙ ДОКТОРА ГАРИНА

О романе Владимира Сорокина

нале. Да только страшно пережить собственный
творческий метод, скучно в тридцать пятый раз
писать Руанский собор, когда кому-то уже при-
зрелись подсолнухи. Нужен иный модернизм.
Гипермодернизм, сверхмодернизм. "Но да будет
слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого,
то от лукавого". Или всё-таки всерьёз? Или всё-
таки искренне?

Мир сошёл с ума. Сумасшествие распростра-
нилось настолько, что диагноз становится
адекватностью, нормальностью. И в этой "новой
нормальности" врач-психиатр Платон Ильич Га-
рин, мудрый, как античный философ, и неутомимый,
как Ленин, старается создать в алтайском
санатории фабрику душевного здоровья. Своим
гиперболюидом-электрошокером, испускающим
целебные синие лучи, он возвращает подопеч-
ных в реальность, изгоняет фобии, развивает
паранойю, утихомиривает навязчивые идеи.
Неотъемлемое пенное доктора помогает хоть
что-то разглядеть в расплывающейся действи-
тельности. Гарин в нём напоминает и самоотвер-
женного уездного врача Чехова, и Клима Самги-
на, который твердил "неужели я единственный
здоровый человек на всём белом свете".

Однажды к Гарину поступают восемь VIP-
персон, восемь Рb (political beings), ради кото-
рых приходится распустиť весь санаторий. Эта
большая восьмёрка — "политические суще-
ства", которые прежде правили миром: Ангела,
Джастин, Синдзо, Сильвио, Дональд, Борис,
Эммануэль, Владимир. Много лет они жили
дружной семьёй, но в ней, как и во всякой се-
мье, наступил кризис оттошений, они перестали
удивлять, вдохновлять, возбуждать друг друга.
Прошлое для них стало будущим. Их ящик Пан-
доры, где на дне ожидали счастье или хотя бы
надежду, оказался старым мешком без дна: ка-
жется, что в этой суме ещё много места, а на са-

ИПРЕЖДЕ ВСЕГО, страдает человек. Вы-
рождается как вид, как категория, как
идея. Он становится рабом собственного
тела. Новая нормальность влечёт за собой но-
вую телесность: зомби, не раз убитые на войне,
мутанты, выведенные учёными-селекционера-
ми, стойкие к холоду, нагрузкам и болезням,
биороботы, умеющие улыбаться и плакать. С
ними человек содествует, как Элли со Львом,
Страшилой и Железным Дровосеком. Сначала
сместилась граница человеческого-животное,
затем — живое-неживое.

Если "*тело правит человеком*", то кто тогда
правит телом? Трансгуманизм — молюх нового
века. Но расчеловечивание человека — это то-
лько начало. Следом за ним и рядом с ним транс-
история, транс-социум, транс-пространство.
Будто времени сломали хребет — и в разлом без
разбору хлынули исторические эпохи: Первобыт-
ность, Средневековье, Просвещение, Модерн и
Постмодерн. Отныне всё это содествует на од-
ном историческом плятке, агрессивно борется
за выживание. Хлынули в действительность,
казалось, отмершие сословия и формы жизни:
дворяне, помещики, кочевники, отшельники-
аскеты, анархисты. Это пербитое транс-время
возводит неандертальский топор из деревянных
айфонов. Куда звонить? Кого рубить?

А дальше что? Транс-вода? Транс-земля?
Транс-воздух? И в этом транс Адамов человек
нам только снится. Ты вместе с доктором Га-
риным входящий в блококаменный дворец, залитый
солнцем, стоишь посреди золочёной палаты,
неведомый голос говорит: "Се человек". А ты
видишь слона. Того самого, двенадцатого, ко-
торый с детства приносил тебе сон. Так где же
человек? Неужели растоптан слоном?!

Страшно, Владимир Георгиевич? Конечно,
страшно. Что же делать? Восстанавливать мир.

Одoleвать хаос. Торить правые стези, которые
осилит только идущий на титановых протезах,
как у доктора Гарина, что отморозил в моло-
дости живые ноги, спеша в метель на помощь
страждущим. Лишь титановая поступь неостанови-
ма. Неуступчивый металл не одолеют ни огонь,
ни вода, ни пуля, ни зубы грешников. Собравше-
муса в путь предстоит залатать мешок без дна
и взять с собой самое необходимое: благотвори-
тельство-первородство — "*вселенский закон, что
объединяет человечество и благодаря которому мы
все ещё пока живы*", покой-успокой — "*равно-
мерное, предсказуемое развитие, вселяющее
уверенность в свободном и в завтрашнем дне*", добро —
для Евы ребро: "*Да, мир лежит
во зле, но живы мы всё-таки добром*"; чудо, воз-
можное всюду: "*оно так же естественно, как
сама жизнь*". Всё это, сданное постмодернизмом
в утиль, теперь, когда страх пристально посмо-
трел тебе в глаза, оказалось таким востребован-
ным, таким спасительным.

Но с чего начинать восстановление? Где от-
правная точка? В мир врётся слово. "*Только
родная речь и собирает*", только родное слово
и созидает. Вытесненное из мира после трёх
войн как творчество, как мудрость, как память,
оно пытается вернуться обрывками страниц,
недописанными романами, книгами, забытыми
в парке и купленными у антикваров — вот уж
где пригодился опыт игры с интертекстами и
композицией. Как кстати здесь "рассказы в рас-
сказе" об альтернативной истории, о сказочной
стране в духе Андерсена, о том, кто будет охра-
нять охранниками и казнить казнящих. В этом
буккрссинге минувший век говорит: "Нет, весь
я не умру".

Особенно дорога старинная книга с изобра-
жением белого ворона. Ворону ведомо всё, он
старейший из своих братьев. Он старше вре-
мени. Он не от мира сего. Он поседел — тем
и спасся, укрывшись в лихую годину среди
белых снегов. Он станет путеводителем Гарина:
проведёт его неведомыми среди горных рек и
бесповетных лесов, сохранит под бомбёжкой
и в рабском плену. "*Имея абсолютную веру в
правильный путь, мы формируем этот путь. И
не только путь! Мы формируем и мир вокруг
нашего пути. Имеющий веру способен раздвигать
горы. А я имею эту веру. Хотя бы для
того, чтобы следовать и преодолеть. Чтобы
идти к цели. И Господь знает это*", — говорит
Гарин-Сорокин. И это звучит как ирония.

Ворон подсказает первое слово уцелевшего
мира. АМОРАМОНТ. Амор-амон-т. Амо-ра-монт.
Амо-рамо-нт. Ещё предстоит разгадать сло-
го-раздел, смысло-раздел, всё, что зашифровано
в этом слове. *Любовь, солнце, гора, букет, хозя-
ин, норма, роман*...

Сегодня нам необходимо обрести единство
во множественности. Сегодня, Владимир Георг-
иевич, нам нужен новый ресторан ЦДЛ для
собрания транс-литературы. Ваш психиатри-
ческий гипермодернизм — творческий метод-
диагноз литературе, автору, читателю, действо-
ванию. Излечится болезнь, доктор Сорокин,
или усугубится, неведомо, но главное, что в ней
угадываются черты грядущего — и пугающего,
и притягательного. Проходите за свой стол. В
зале уже сидит в кругу единомышленников са-
кральный реалист Проханов. Он слегка кивнул
вам, подмигнул. Вы поняли друг друга.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

Азаева Эвелина. А хо-
чешь в Кана-
ду? — Торонто, 2016. — 224 с.
Азаева Эвелина. Полное накры-
тие. —
Торонто, 2019. — 256 с.

ДВА отличных сборника русской ка-
надской прозы привезла с собой Эве-
лина Азаева, возвратясь в Россию
после многих лет жизни в Канаде, где
она выпустила "Комсомольскую правду" в
её канадской версии.

Эти репортажи о живых людях — эми-
грантах из России/СССР, своей интона-

цией напоминающие рассказы И. Греко-
вой, замечательной русской советской
писательницы. Такая проза возникает на
стыке журнальных публикаций и книг и
иногда именуется "лонг рид". Жизнь эми-
грантов — богатая нива для литературы.

Мне встречались рассказы многих ав-
торов, избравших Канаду в качестве новой
родины, но Азаева стоит особняком. В её
рассказах нет злобы, нет отчаяния, хотя
бы потому, что она не делит мир людей на
праведников и злодеев. Всякое бывает. В
серой зоне живут эмигранты. Не все зло-
деи, не все ангелы.

Много смешных сочных образов в её
рассказах. Например, "Фанна Рататуйская,
пожилая дама с пышной рыжей гривой,

обильным макияжем и крупными украше-
ниями... пожилая, циничная и бестыкая".
Или "от него русский язык не просто ушёл, а
обожал, как неверная жена с цыганом".

Особая тема — отношение к России.
В Канаде, да и в других странах Запада,
среди эмигрантов пестуется обязательная
ненависть и злословие в адрес брошенной
России. "Говорить о родине хорошо не хо-
телось. А то спросят, а что, мол, ты в Кана-
де делаешь, если в России хорошо?" Эта
тема часто возвращается у Азаевой; дей-
ствительно, в эмиграции — хоть в Кана-
де, хоть в США или Израиле — за доброе
слово о России тебе обязательно скажут
гадость, а то ещё и в органы госбезопас-
ности начуют.

Стоит редактору эмигрантской газе-
ты встретиться с русскими дипломатами
или приехать на конференцию с русскими
журналистами, и вскоре к нему в дом по-
ступит Королевская конная полиция —
так называется канадская "гэбня". Нет, не
утишат в свои подвалы, но удовольствия
всё равно не получат и в следующий раз
задумается: а встречаться ли с русскими?

Легко упрекать Россотрудничество, но про-
чтёшь эти репортажи — и поймёшь, как
трудно им работать в обстановке вражды
и доносов.

Полиция Канады сумела нагнать страх
и ужас на русских. Вроде, народ по харак-
теру не криминальный, но они боятся, и
не без оснований. Если в Канаде вас за-

держит "гаишник", и что-то сделаешь не
так, с тобой не будут спорить, а просто
пристрелят. Хотя в Канаде полицейские
убивают реже, чем в США, но в разы
чаще, чем в России или Европе. Поли-
цейские всегда правы, устанавливает
внутренняя проверка. Самый простой
способ убить — попросить документы.
Если полезет за ними в карман — стрел-
яй на поражение.

Трудно мужчинам в Канаде: женщина
всегда может пожаловаться, мол, приста-
вал или бил, и бедняга-парень окажется
на улице. Канады охотно жалуются в по-
лицию, и по их жалобам трудно русскому
эмигранту оправдаться. Там считается:
кто первым посягнется, тот и прав, на
первом этапе. Поэтому после случайного
секса оба партнёра наперегонки бе-
гут в полицию жаловаться на насилие и
"харассмент". Мужчины чувствуют себя
поиманными: уйдёшь от жены, придётся
платить алименты всю жизнь, детей про-
тив тебя настроит, да ещё хорошо, если не
попытаются пришить педофилию. А кому
удастся уйти от жены или мужа, тому све-
тит одиночество.

Даже с любовниками им не удаётся рас-
слабиться. У эмигрантов, ставших канад-
скими гражданами, возникает мания — они
думают, что с ними живут только в расчёте
на канадский паспорт. Оно, конечно, и такое
бывает, но не всегда же!

Отдушина для канадцев — поездки
на Кубу. Близко, недорого, народ, как в
России. Для них это, как в Сочи. Там и
новые встречи, как с другими русскими
туристами, так и с кубинцами. У Азаевой
о Кубе написано по-доброму, без зло-
бы и без гадостей — впрочем, она и о
Канаде, и о России пишет без злобы. А
эмиграция, конечно, не сахар. Об этом
должен задуматься каждый, собираю-
щийся "валить".

Хорошо бы издать эти рассказы в
русском издательстве для русского чи-
т